

ШАБА 1

Почему-то с самого утра было грустно. И непонятно совсем — почему? Сварила кофе, села с ним к столу, начала ворошить память, листая, как страницы, прошедшие дни недели. Да нет, вроде все в порядке. Не было ничего такого, что бы тревожным импульсом подергивало: а вспомни, вспомни, тут я...

Ничего не произошло за минувшие семь дней. А что-то теребило и теребило. Ну, просто накачивало так, что хотелось расплакаться. А причины не было. Чего тогда плакать — без причины? Саня сразу забеспокоится, станет приставать с расспросами. А что она на них ответит? Что ничего, все в порядке, что ей просто так поплакать захотелось? Он ни за что не поверит. Станет присматриваться к ней, а потом и присматривать за ней. А этого как раз и не хотелось.

— Снежик, миленький. — Саша, с которым они вместе были вот уже три года, вошел на кухню, помахал в воздухе газетой. — Ты посмотри, что пишут, а!

— Что там? — проявила она тактичность, хотя никогда не читала газет, тем более такого содержания. Но не любопытствуй она сейчас, он на-

дуются, сразу спросит, неужели ей все равно, что его так беспокоило. Придется отрицать из всех сил. А их, сил, осталось совсем немного, ровно столько, чтобы сдержаться и не расплакаться.

И чего на нее нашло сегодня?!

— Помнишь, я тебя просил, чтобы ты вечерами не задерживалась? — начал строгим голосом Саша.

— Помню, — кивнула она послушно.

— Помнишь, почему я тебя об этом просил?

И он подозрительно прищурил глаз, один в один, как ее преподаватель в институте по электромеханике, когда она безбожно валила экзамен.

— Что-то такое у нас в районе в последнее время происходило или происходит, — начала Снежанна медленно.

Но она ничего не помнила. Саша ее постоянно о чем-нибудь предупреждал, предостерегал, все чего-то опасался, старался предотвратить. И из всего этого за совместных три года в ее памяти образовалась неудобоваримая мешанина. И пытаться сейчас зачерпнуть оттуда маленькую ложечку, чтобы скормить ее бдительному Саше, было занятием бесполезным.

— А что происходило у нас в последнее время в районе, милая? — Саша снисходительно ухмыльнулся, поняв, что она ни слова не слышала из того, о чем он ей рассказывал.

— Что-то страшное наверняка. Иначе ты не стал бы меня предупреждать, — схитрила Снежанна, решив обосноваться в нейтральных водах.

— Конечно, не стал бы, — отозвался Саша ворчливо, заглянул в турку. — Кофе не сварила на меня?

— Сейчас сварю. — Снежанна быстро поднялась из-за стола, с сожалением оставив остывать кофе в своей чашке, оглянулась от плиты. — Так о чем пишет твоя любимая газета?

По тому, как он сердито засопел, она поняла, что снова сказала что-то не то. А, ну да, все правильно. Она сказала «твоя любимая газета», сделав ударение на слове «твоя». Тем самым она что? Правильно, открестилась от его интересов. А он ведь так никогда, никогда не делает. Не делал раньше, не делает теперь и делать так не будет. Почему же она-то все время?..

Слава богу, сегодня Саша не стал занудствовать, а, молча пережевав досаду на свою девочку, принялся увлеченно рассказывать. И когда он начал рассказывать, Снежанна все вспомнила.

Правильно, они обсуждали уже это. Но сначала все это были лишь слухи, которые Саша черпал непонятно где. Теперь вот уже к слухам и пресса присоединилась. Хотя то издание, которое любил цитировать Саша, только слухами — по ее мнению — и питалось.

— Они пишут, что это мелкое хулиганство! — возмущенно трепал он газетный разворот, тыча пальцем в середину. — Какое же это хулиганство?! Разве можно быть такими... Такими...

Он не нашел нужного приличного слова и выругался.

Снежанна поморщилась.

Саша редко при ней ругался, старался не оскорблять ее слух неприличными словами. Но когда в пылу словарный запас его скудел, это когда он долго и безостановочно принимался о чем-то

рассуждать, то ему приходилось призывать на помощь и ненормативную лексику.

— Извини! — поспешно пробормотал он, поблагодарил за кофе, принимая из ее рук чашку, отхлебнул и снова принялся возмущаться: — Но разве можно называть хулиганством нападение на десятерых женщин — и это все в одном районе?!

— А как это нужно называть? — послушно отозвалась Снежанна, глотнула остывший кофе, поморщилась.

— Это уже конкретный маньяк!!! — выпалил Саша и с чувством смахнул газету на пол.

— Ну уж ты скажешь, — улыбнулась она. — Никого не убили, не изнасиловали, отбирали вроде телефоны и все...

— Не убили?! Не изнасиловали?! — перепуганно отшатнулся он. — А нужно, чтобы было так?! Снежик, ты меня поражаешь!!!

— Не нужно. Просто не надо сгущать краски. Женщины ничего толком не рассказывали. Не видели нападавшего. С головы их волос не упал. Какой маньяк, Саша?! Наверняка какой-нибудь бездомный пацан, который нашел рынок сбыта этих самых телефонов и теперь сшибает деньги, чтобы с голоду не подохнуть в подворотне!

Она вдруг закусила удила. Такое иногда случалось. И сладу тогда с ней не было. Могла из непонятого упрямства начать кричать, стучать кулаком по столу, топтать ногами, рыдать. Саша затихал тогда и отступал куда-то в тень. Точно, точно в тень, потому что она его присутствие рядом с собой только угадывала. Потом начинал засыпать ее цветами и подарками, скулил, что он

идиот и засранец. Что с такой красавицей, юной, умной, необыкновенной, нельзя так. А как именно можно, он пока не знает. Но он станет учиться — неотесанная грубая деревенщина, прибывшая в город откуда-то из сибирской глухомани.

И эта его покорность, граничащая с угодничеством, жутко ее совестила. Снежанна тоже начинала просить прощения, признавалась, что сама не знает, отчего так иногда себя ведет. А она и правда не знала.

— Да... Заелась ты, девочка, — увещевала ее коллега по работе и приятельница Катя Земцова. — Тебе бы моего старшенького! Вот кому попробуй стукни кулаком по столу!

Старшеньким она называла своего первого бывшего мужа, который колотил Катерину по поводу и без. И нос ей ломал, и ребра, а однажды едва не выбросил из окна третьего этажа. Спасибо, свекровь его остановила.

— А то ножками она топтать вздумала! И из-за чего?! Из-за того, что расхождения у вас по вопросам социального неравенства вышли?! Ох, Жанка, дуришь ты, честное слово! Слушай... — Эту фразу, прочно засевшую Снежанне в голову, Катя впервые произнесла полгода назад и с тех пор неоднократно ее повторяла. — А может, ты просто не любишь его, а?

— Я?! — возмущенно округлила она глаза. — Я не люблю Сашку?!

— Да! Ты не любишь Сашку! — передразнила ее Катя Земцова. — Потому и дуришь, а иначе бы...

— Да как ты можешь такое говорить? — обиделась она тогда на приятельницу. — Я Саше

всем, что имею, обязана! Если бы не он... Я не знаю, что со мной стало бы!

— Э-э-эх! — Катерина помотала головой в белоснежном колпаке, надвинутом на красиво оформленные стилистом брови. — Чувство благодарности и любовь — это не одно и то же. Ты сколько с ним вместе?

— Три года.

— Вот! А он тебя уже раздражает.

— Он меня не раздражает! — крикнула звенящим от обиды голосом Снежанна. — Просто... Просто...

— Просто он тебя раздражает. Это именно так называется, дорогая моя. Вот попомни меня, дальше будет только хуже...

Прошло полгода.

Снежанна, хорошо помнившая слова Кати, контролировала себя изо всех сил, чтобы не срываться, не закатывать беспричинные истерики, и вообще старалась вести себя как внимательная, заботливая, любящая женщина. И это у нее вполне получалось. И даже особенно стараться не приходилось, все как-то само собой выходило. Это сегодня что-то накатило на нее. Сначала что-то тяготило, она все вспоминала, вспоминала... Тут Сашка со своей дурацкой газетой и не менее дурацкими версиями.

Нет, ну что, в самом деле, сгущать краски? Отобрали десять телефонов в их районе у подзагулявших девиц, и что? Это новость, что ли? В их микрорайоне, между прочим, пятнадцать тысяч человек проживает. Десять подвыпивших дур, решивших попытать судьбу и пойти домой темными переулками, это не так уж и много. В це-

лом по городу и не такое случается за сутки. И это за сутки, а тут за несколько месяцев.

Серию они углядели...

Нет, серию углядел лишь ее Сашка, кажется. И углядел ее с одной только целью — посадить ее под замок. Он не раз заводил разговор о том, чтобы она бросила работу. Она под разными причинами отказывалась. А теперь вот, пожалуйста, у него какой козырь на руках. Маньяк в их микрорайоне объявился. Теперь всем женщинам следует прятаться по домам и носа из дома без сопровождения не высовывать.

Это же... Это же форменный арест получается!

— Неужели для того, чтобы ты начала немного оглядываться и предпринимать хоть что-то для собственной безопасности, нужно непременно случиться чему-то плохому?! — удрученно воскликнул Саша, нагнулся, поднял газету и, отводя взгляд, поплелся с кухни.

— Саша! — крикнула она так, что его узкие плечи нервно вздрогнули. — Не уходи, есть разговор!

О чем она хотела с ним поговорить именно сейчас, Снежанна не представляла. Она просто закусила удила, что называется. И еще не собиралась допустить его очередного трусливого бегства в дальний угол, из которого ей потом придется, не дай бог, извлекать его с собственными извинениями.

— Что случилось? — Он быстро вернулся, сел, как школьник, за стол, уставился круглыми, как у совенка, темными глазами. — Ты чего так кричишь? Что-то случилось?

— Нет. — Она моргнула удивленно.

А действительно, чего это она так разошлась? Контролировала себя, контролировала и тут вдруг сорвалась. Может, Катерина права? Может, все это — и гнев ее беспричинный, и раздражение — объяснимо и предсказуемо, потому что...

— Просто... Не уходи, и все, — пожалала она плечами, натягивая рукава домашней кофты выше на плечи и кутая шею в воротник. — Чего ты сразу сбегашь? Каждый раз ты бежишь, как только на горизонте начинает маячить опасность.

— Какая опасность?! — перепугался он снова.

— Ну не так выразилась. Просто каждый раз, как я начинаю высказывать свою точку зрения, ты удираешь, как трусливый заяц. Так нельзя! Нельзя так, Саша! — Она протянула руку к его голове и поразилась тому, с какой живостью он отпрянул, потом опомнился и подставил макушку ее пальцам. — Господи, Саша, это уже комплекс!

— Согласен, — закивал он, поймал ее пальцы и начал целовать, негромко приговаривая: — Согласен, сбегать все время, может, и нельзя, а как, по-твоему, можно? Ругаться мне с тобой, что ли? Ты же женщина. Слабая, милая, беззащитная женщина. Моя женщина! Которую я очень люблю, которой дорожу. И которой... Позволяю иногда капризничать. Ну, у тебя такая блажь. У меня игра. Ты же с этим миришься. Почему я должен роптать, когда тебе хочется потопать ножками?

И так все логично, так все правильно он объяснил. И ей бы радоваться. А она снова устыдилась. И это опять подействовало раздражающе.

— Ладно... — Она высвободилась из его рук, которые схватили в кольцо ее коленки. — Все хорошо, милый. Все хорошо. Не будем больше об этом. Мне пора.

— Как пора? — Он изумленно вскинулся. — Сегодня же воскресенье!

— Я помню.

Она кивнула и пошла с кухни, на ходу стягивая с себя домашнюю кофту.

— Ну! И почему тебе непременно надо уезжать куда-то из дома? — Он пошел за ней, подхватывая оброненную ею кофту, подбирая разбросанные тапочки. — Там такая погода... Давай останемся дома, Снежик!

— Я поеду на кладбище, Саша. Сегодня годовщина маминой и папиной свадьбы, — придумала она с лету.

— Поймай, но ты же говорила, что свадьба у них была летом?

— Ну да, это загс был летом, а зимой в горах устроили помолвку, где они всем лагерем ее и отмечали.

— Ну а зачем на кладбище-то? — снова не понял он. — Они же в горах погибли и...

— Я поеду к тетке, — упрямо повторила она и закрыла перед его носом дверь в гардеробную...

К тетке она не попала, потому что попала в жуткую пробку. Поначалу даже и не сообразила, невероятно медленно пробираясь на машине от светофора к светофору, что плотность машин на проезжей части сильно сгустилась и надо бы вильнуть в какой-нибудь переулок, чтобы не быть стиснутой со всех сторон.

Но не сообразила, зато позлилась в досталь.

Досталось всем. Начала с Сашки, перекинулась потом на Катю с ее идиотским даром ясновидения. Молчала бы и молчала, если додумалась до чего-то. Нет же, медом ее не корми, дай донести до страждущего. Донесла! И теперь что? Теперь маета непонятная нет-нет да закрадется в душу и ответов требует.

Потом пришла очередь телефонного воришки, в действиях которого ее гражданский муж Александр углядел серию.

Тому-то что не сидится ночами дома? Дома нет? Денег? Так не разбогатеешь на краже десяти телефонов, как ни старайся. Кроме головной боли и тюремного срока, ничего не светит.

Он вот ночами на женщин в темных подворотнях нападает — делать ему больше нечего, — а она с Сашей из-за него повздорила. Может, и не совсем так, но осадок остался. Одна надежда была на то, что на могиле тетки немного забудется. Всякий раз, усаживаясь на крохотную мраморную скамеечку возле памятника, Снежанна терялась, не зная, с чего начать. А потом слово за слово начинала говорить с теткой. А иногда и спорить.

Катя Земцова — ее коллега по работе и немного подруга — сколько раз брала под сомнение советы, которые Снежанна будто бы услышала от тетки. И даже пальцем у виска покручивала и советовала протестироваться у психоаналитика. Но Снежанна лишь усмехалась в ответ.

То, что она слышала теткин голос, доказать было, конечно же, невозможно. Но ведь и опровергнуть тоже.

— Все! Встали! — заорал кто-то сбоку от ее

машины так громко, что она вздрогнула и завертела головой в разные стороны.

Вот это да! Как же это она проморгала? Надо было сразу на светофоре убежать налево, где спасительный перекресток, выручающий ее всегда из любых пробок. Там четыре двора, а оттуда — сквозные проезды на параллельный проспект, где движение почти без заторов.

Светофор проехала, до следующего далеко-далеко, а там, где она сейчас стоит, слева — две сплошные, справа — длинный ряд магазинов без парковочных площадок и служебных проездов.

Она опустила стекло, дождалась, когда водитель соседнего автомобиля повернет голову в ее сторону, и вопросительно мотнула головой.

— Что там впереди? Почему стоим? — повторила она вслух, когда он опустил пассажирское стекло.

— Что-то прорвало прямо под магистралью. Снег чистят, — флегматично отозвался толстый дядька в засаленной дубленке и вязаной шапке петушком. — Два эвакуатора перед этим туда прошли. Наверное, станут машины припаркованные сейчас вывозить. Это долго...

Это было бесконечно долго!

Три часа!!! Три часа в пробке — это уж слишком!!!

Она успела дважды сбежать в магазинный кафетерий и выпить горячего шоколада. Потом захотелось в туалет, и пришлось снова бежать в тот же магазин. Затем просто надоело сидеть в машине на одном месте без движения, и она опять полезла наружу.

А снаружи было холодно. Ледяной ветер бес-